

На правах рукописи

Рябинина Марианна Владимировна

**МАРИЙСКАЯ ПОВЕСТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(марийская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2014

Работа выполнена на кафедре финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Научный
руководитель – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Раисия Алексеевна

Официальные
оппоненты: **Антонов Юрий Григорьевич,**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева»,
заведующий кафедрой финно-угорских литератур;
Осипов Николай Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
педагогический университет имени И.Я. Яковлева»,
доцент кафедры чувашского языка и литературы

Ведущая
организация – **ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»**

Защита состоится 10 октября 2014 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38, корпус № 3, каб. 301 (зал Ученого совета).

Отзывы на автореферат в двух экземплярах, заверенные печатью учреждения, просим направлять по адресу: 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15, на имя ученого секретаря диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 04 августа 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Марийская повесть второй половины XX века на всем протяжении своего развития отражала возросший интерес художников слова не просто к характеру персонажа, а к внутренней его составляющей: мыслям, переживаниям, чувствам и желаниям.

Актуализация психологического изображения, как правило, обуславливается достаточно высоким уровнем культурного развития народа и в периоды активного интереса общества к личности, признания ее ценности и значимости. В этих условиях обычно возникает потребность в постижении литературой сложного внутреннего мира человека, его духовного и творческого потенциала, нравственной ответственности перед собой и обществом. Вторая половина XX века в истории марийского народа, в развитии его культуры, литературы отмечена именно такими процессами и изменениями, что способствовало активному развитию и утверждению психологизма в художественной структуре эпических жанров, прежде всего, повести.

В конце XX века психологизм утверждается в качестве одной из основных стиливых доминант всей марийской литературы, наряду с драматизмом и философизацией повествования. Все возрастающее внимание к внутреннему миру человека повлекло за собой не только многообразие жанрово-стилевых решений, но и богатство форм и приемов описания различных психологических состояний и процессов. Результатом смыслового насыщения и углубления исследования жизни и человека становится то, что в марийской литературе конца XX века формируется психологическая повесть – с особым художественным качеством, называемым психологизмом; она становится одной из доминирующих жанровых разновидностей повести и, наряду с психологическим рассказом, определяет развитие всей марийской национальной реалистической прозы нового времени.

В контексте вышеуказанных художественных процессов психологизм повести как теоретическая проблема марийской литературы второй половины XX века представляется весьма важным и актуальным полем научного исследования.

Предпринятое нами исследование, обращенное к конкретным вопросам поэтики психологизма марийской повести, связанным со спецификой художественного проявления в ней форм и приемов психологического повествования, вписывается в актуальный контекст отечественного, марийского, финно-угорского, урало-поволжского литературоведения, выстраивающего историческую картину национальной словесности на основе ключевых вопросов теоретической поэтики.

Степень изученности темы. На сегодняшний момент в отечественной филологии накоплен большой опыт исследования проблемы художественного психологизма, в том числе с выходом на пограничные области

литературоведения. Вопросы психологизма наиболее полно изучены в работах Д. С. Лихачева¹, Л. Я. Гинзбург², С. Г. Бочарова³, И. В. Страхова⁴, В. В. Компанейца⁵, А. Б. Есина⁶, А. Н. Иезуитова⁷, Т. В. Балашовой⁸ и др.

Психологизм в общих или частных своих составляющих становился объектом исследования и ученых Поволжья и Приуралья. Определенных результатов в изучении его места и роли в художественной структуре национальных литератур достигли татарские исследователи Ф. М. Хати-пов⁹, В. Р. Аминова¹⁰, А. З. Карамова¹¹, чувашские ученые Г. И. Федоров¹², А. Ф. Мышкина¹³, мордовские филологи В. И. Демин¹⁴, О. И. Бирюкова¹⁵,

¹ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–79.

² Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Совет. писатель, 1971. 464 с.

³ Бочаров С. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчестве Горького // Социалистический реализм и классическое наследие (проблема характера). М.: Гослитиздат, 1960. С. 89–210.

⁴ Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов пед. ин-тов: в 5 ч. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1973. 57 с.; Его же. Методы психологического анализа в художественном изображении характеров. Психологический анализ портретов-характеров в романах И. А. Гончарова. Саратов: СГПУ, 1978. 178 с.; Его же. Психология внутренней речи: учеб.-метод. пособие. Саратов: Саратов. гос. пед. ин-т, Саратов. отделение общ-ва психологов, 1969. 58 с.

⁵ Компанеец В. В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1980. 113 с.

⁶ Есин А. Б. Литературоведение. Культурология: избранные труды. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2003. 352 с.; Его же. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 246 с.; Его же. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.

⁷ Иезуитов А. Н. Проблемы психологизма в эстетике и литературе // Проблемы психологизма в советской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 39–57.

⁸ Балашова Т. В. Эрве Базен и пути французского психологического романа. М.: Худож. лит-ра, 1987. 270 с.

⁹ Хатилов Ф. М. Духовный мир героя: Психологизм в современной татарской прозе. Казань: Таткнигоиздат, 1981. 296 с.

¹⁰ Аминова В. Р. Синтетические методы психологического изображения в русской литературе XIX в. и в татарской прозе XX в.: сопоставительный анализ // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 10-12; Её же. Принципы и приемы психологизма в русской литературе XIX в. и в татарской прозе первой трети XX в.: сопоставительный анализ // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Кн. 6 (Гуманитарные науки). Казань, 2008. С. 124-136.

¹¹ Карамова А. З. Психологизм в творчестве Амирхана Еники: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 20 с.

¹² Федоров Г. И. Проблемы поэтики чувашской психологической прозы 1950- 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1990. 22 с.

¹³ Мышкина А. Ф. Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 276 с.

¹⁴ Демин В. И. Современная мордовская повесть: синтез традиционного и новаторского // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2014. С. 95–100.

¹⁵ Бирюкова О. И. Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межлитературный и межкультурный контексты: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Саранск, 2011. 42 с.

коми литературовед Г. В. Болотова¹ и др. Приемы и формы психологизма затрагивались в монографиях и статьях С. М. Нефедовой² (коми литература), Г. Н. Гареевой³ (башкирская литература), Р. А. Кудрявцевой⁴ (марийская литература) и др.

Неизученность поэтики психологизма в марийской повести в определенной мере является следствием отсутствия вообще специальных работ о генезисе, становлении и развитии этого жанра в марийской литературе.

Творческий опыт некоторых авторов повестей и отдельные их произведения становились объектом анализа в академических изданиях по марийской литературе, например, повести 1950-х годов – в «Очерках истории марийской литературы» (часть первая – 1963, часть вторая – 1960), повести 1950 – начала 1980-х годов – в «Истории марийской литературы» (1989). В них выявлялись особенности их тематики и проблематики, персонажной системы, позволяющие увидеть общие тенденции содержательного развития марийской литературы указанных этапов.

Отдельные аспекты жанрового содержания и поэтики повестей затрагивались в работах, посвященных исследованию различных теоретических проблем развития марийской литературы, например, проблем историзма⁵, реализма⁶. А. А. Васинкин обращается к повестям в связи с генезисом марийского романа о войне и в качестве фонового явления к процессу его развития⁷, С. Я. Черных – в связи с изучением проблем развития марийской прозы 1970-х годов⁸, Г. Н. Сандаков – в контексте проблем развития эпиче-

¹ Болотова Г. М. Проблемы психологизма в современной русскоязычной коми литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 24 с.

² Нефедова С. М. Несобственно-прямая речь как одна из форм раскрытия внутреннего мира героя (рассказ А. Ульянова «Сьод ар» («Черная осень»)) // Вестник Челябинского университета. 2009. № 1. С. 295–299.

³ Гареева Г. Н. Психологизм в современной башкирской прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1990. 17 с.; Ее же. Внутренний монолог в башкирской прозе 70–80 гг. XX в. // Вестник Башкирского университета. 2009. № 3. Т. 14. С. 878–881; Ее же. Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в башкирской прозе // Вестник Башкирского университета. 2010. № 2. Т. 15. С. 379–382; Ее же. Некоторые приемы психологического раскрытия характеров в башкирской прозе // Вестник Челябинского университета. 2009. № 39 (177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. С. 33–37.

⁴ Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с.; Ее же. Художественная деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Г. Алексеева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 61–66.

⁵ Васин К. К. История и литература: О проблеме историзма в марийской литературе: ист.-литературовед. очерк. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. 152 с.

⁶ Васин К. К. Просветительство и реализм: К проблеме генезиса социалистического реализма в марийской литературе: историко-литературоведческие очерки. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 247 с.

⁷ Васинкин А. А. Героические годы: Жанр военного романа в литературах народов Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 128 с.

⁸ Черных С. Я. Кызытсе марий прозын корныжо [Пути развития современной марийской прозы] // Кушмо корно. Йошкар-Ола: Книгам лукшо мар. изд-во, 1977. С. 74–91.

ских жанров¹. Лирические повести Вениамина Иванова стали объектом исследования Н. И. Кульбаевой², выстраивающей в своей монографии «Вениамин Иванов: очерк жизни и творчества» творческую биографию данного писателя.

Время от времени частная жанровая конкретика повести попадала в поле зрения исследователей и критиков, статьи которых печатались в журналах «Ончыко» («Вперед») и «Финно-угроведение», а также в научных сборниках: «Проблемы жанра в марийской литературе» (1981), «Литература и время» (2000), «Художественная словесность финно-угорских народов: от истоков к современности» (2008) и др.

Несмотря на то, что психологизм давно уже утвердился как стилевая доминанта марийской литературы, с присущими ей свойствами, формами и приемами, а к концу XX века отчетливо обозначилась в ней психологическая повесть, данное явление до настоящего времени остается специально не исследованным – применительно ни к повести, ни к марийской литературе, в целом. В данном контексте представляется весьма важным и научно значимым изучение поэтики психологизма в марийской повести второй половины XX века, предпринятое в реферируемой диссертационной работе.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности развития психологизма в марийских повестях второй половины XX века.

Задачи исследования, направленные на достижение намеченной цели, сводятся к следующему:

- 1) изучить теорию художественного психологизма в аспекте семантики понятия, форм и приемов психологического изображения;
- 2) выявить и охарактеризовать основные этапы развития психологизма в марийской повести второй половины XX века;
- 3) определить место и роль психологизма в художественной структуре повестей;
- 4) выявить, классифицировать и описать основные формы и приемы психологического изображения в марийских повестях;
- 5) определить закономерности развития психологизма как стилевой доминанты в марийской повести второй половины XX века.

Объектом научного исследования стали марийские повести второй половины XX века, наиболее значимые в художественном плане и с точки зрения проблемы психологического изображения характера, – это повести З. Катковой, Ю. Артамонова, В. Иванова, Г. Алексеева, А. Александрова-

¹ Сандаков Г.Н. Современный историко-революционный роман в литературах народов Поволжья // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства / МарНИИ яз., лит-ры и ист. им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 1984. С. 54–78; Его же. Эпос революции и современность: Марийская проза в контексте литератур Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

² Кульбаева Н.И. Вениамин Иванов: очерк жизни и творчества. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Арсака, Г. Гордеева, Вяч. Абукаева-Эмгака, М. Кудряшова и др. В произведениях, отобранных нами для конкретного анализа, «психологическое изображение становится *основным способом*, с помощью которого познается изображенный характер», оно «несет значительную содержательную нагрузку, в огромной мере раскрывая особенности тематики, проблематики и пафоса произведения» и «достаточно велико по объему»¹, что позволяет говорить о присутствии в них психологизма как «особого эстетического свойства»².

Предмет научного исследования: поэтика психологизма в марийской повести второй половины XX века, а именно, формы, приемы психологического изображения характера, особенности их использования в творческом опыте марийских писателей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в марийском литературоведении:

1) проведен целенаправленный анализ марийской повести второй половины XX века в аспекте проблемы поэтики психологизма;

2) выявлены этапы развития психологизма в марийской повести с проецированием их на весь литературно-художественный опыт марийского народа во второй половине XX века;

3) выявлено соотношение различных форм и приемов психологического изображения и определены на этой основе особенности поэтики психологизма марийской повести;

4) в научный оборот введен целый ряд повестей, ранее не рассмотренных ни в аспекте психологизма, ни в каком-либо другом аспекте, среди них: «Кўшкака» («Высота») В. Иванова, «Вўран саман» («Кровавое время»), «Мланде ўжеш» («Зов земли») В. Любимова, «Сар ок лий ыле гын...» («Если бы не война...») и «Адресат выбыл» З. Катковой, «Вашпижмаш» («Противостояние»), «Куку муро ойган» («Грустная песня кукушки») Г. Алексеева, «Каче тан» («Женихи»), «Роза» А. Александрова-Арсака и др.

Методы исследования: структурно-семантический и типологический. Их выбор продиктован целью и задачами научной работы. С их помощью выявляются и анализируются ключевые приемы психологического изображения персонажей, выявляются общие элементы художественной структуры психологизма и специфика его проявления в творческом опыте разных писателей.

Теоретической основой исследования являются работы А. Н. Иезуитова, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, В.В. Компанейца, А.П. Скафтымова, А.Б. Есина, С.Г. Бочарова и других, освещающие про-

¹ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы... С. 12. Курсив автора высказывания – М.Р.

² Там же.

блемы художественного психологизма, а также исследования И. В. Страхова, Л. С. Выготского, находящиеся на стыке литературоведения и психологии. Под психологизмом, вслед за А. Б. Есиным, мы понимаем не одну из сторон творческого метода писателя (принципа художественного отражения действительности), указывающую на его реалистичность, «не особенности построения характеров в том или ином произведении и не наличие в нем психологической достоверности, а *художественное изображение внутреннего мира персонажей, т.е. их мыслей, переживаний, желаний и т.п.*»¹. Речь идет о психологизме в собственном смысле слова, принадлежащем «к области формы», характеризующем «стиль, стилевое своеобразие произведения»².

В плане методики изучения поэтики эпических произведений, в том числе и повести, представляют интерес теоретико-методологические установки по анализу художественного текста М. М. Гиршмана, Б. О. Кормана, А. П. Скафтымова, Л. В. Чернец, В. В. Тюпы, А. Я. Эсалнек, А. Б. Есина, Н. А. Николиной и др., а также исследования по истории литератур финно-угорских народов и народов Урало-Поволжья В. Г. Родионова, Г. Я. Хлебникова, Г. И. Федорова, А. Ф. Мышкиной, Ю. М. Артемьева, Ф. М. Мусина, Ф. Г. Галимуллина, В. Р. Аминовой, Р. Р. Габидуллина, И. Ф. Фаттахова, К. К. Васина, А. А. Васинкина, Р. А. Кудрявцевой, Т. И. Зайцевой, Н. И. Кульбаевой, Г. Н. Сандакова, В. А. Абрамова, В. В. Никифоровой, Н. Н. Осипова и др.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что результаты данной работы могут быть использованы при чтении лекций и проведении практических занятий по истории марийской литературы XX века, разработке спецкурсов, написании учебников, в практике преподавания марийской литературы в общеобразовательных школах и т.д. Основные выводы и положения могут быть использованы в научных разработках сравнительно-типологического характера по финно-угорским литературам и литературам народов Урало-Поволжья.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Психологизм является неотъемлемым свойством художественной структуры марийской повести второй половины XX века.

2) В развитии поэтики психологизма марийской повести в зависимости от места и значимости в произведении художественного изображения внутреннего мира персонажа выделяются два этапа: первый – формирование и закрепление форм и приемов психологического изображения в художественной структуре жанра, второй – утверждение психологизма как стилевой его доминанты.

¹ Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы... С. 12. Курсив автора высказывания – М.Р.

² Там же. С. 10.

3) Доминирующими формами психологизма в марийских повестях второй половины XX века становятся прямая и косвенная формы психологического изображения.

4) В марийской повести 1950 – начала 1980-х годов наиболее востребованной была прямая форма психологизма с традиционными для нее приемами внутреннего монолога и несобственно-прямой речи, которые получают в повести широкую творческую реализацию.

5) Следствием возросшего внимания к внутреннему миру человека в конце XX века становится богатство форм и приемов описания различных психологических состояний и процессов, а также формирование психологической жанровой разновидности повести, воспринимаемой как рождение нового качества марийской литературы, в целом.

Апробация работы. Содержание и результаты исследования нашли отражение в 19 публикациях. По теме диссертации опубликованы три статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки РФ.

Основные положения диссертации обсуждены на следующих научных конференциях и симпозиумах: *международных* («Языковые контакты Поволжья. Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)», Йошкар-Ола, 2011 г.; «Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения», Елабуга, 2012; «Литературно-творческое наследие С. Г. Чавайна», Йошкар-Ола – Морки, 2013 г.); *всероссийских* («Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе», Йошкар-Ола, 2009, 2011 гг.; «Социокультурное развитие Республики Марий Эл: История и современные процессы», Йошкар-Ола, 2010 г.; «Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: К 85-летию академика АН РБ, профессора Г. Б. Хусаинова», Уфа, 2013); *межрегиональных* («Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в системе образования Республики Марий Эл», Йошкар-Ола, 2005 г.; «Проблемы марийской и сравнительной филологии», Йошкар-Ола, 2014 г.); «Марийское краеведение: опыт и перспективы использования в условиях реализации ФГОС», Йошкар-Ола, 2014); *региональных* («Жизнь и творчество Олыка Ипая в контексте современности», Йошкар-Ола, 2012 г.; «XIII Игнатьевские чтения», посвященные памяти доктора филологических наук, профессора Л. П. Васиковой, Козмодемьянск, 2013), а также на ежегодных внутривузовских конференциях по итогам научно-исследовательской работы преподавателей Марийского государственного университета (2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются актуальность темы, научная новизна исследования, формулируются цель и задачи, определяются методологическая база, теоретическая и практическая значимость исследования, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема психологизации повествования в отечественном и региональном литературоведении» состоит из четырех разделов. В первом разделе «*К вопросу о содержании понятия «психологизм в литературе»*» дается теоретическое обоснование понятия «художественный психологизм» с учетом существующих в отечественной и региональной литературной науке учений, суждений о психологическом изображении. Психологизм (синоним: психологическое изображение в литературе) представляет собой «стилевое единство, достигаемое с помощью средств и приемов, направленных на полное, глубокое и детальное раскрытие внутреннего мира героев»¹, на художественное описание различных психических состояний и процессов (мыслей, переживаний, чувств, желаний).

Изучение имеющихся трудов по проблеме художественного психологизма показало, что наибольшую разработанность получили в отечественной и региональной филологической науке вопросы индивидуально-авторского психологизма, а также психологического изображения в художественной культуре XIX века; мало работ историко-типологического характера, посвященных специфике и динамике художественного психологизма XX века, а также особенностям психологического изображения в художественной структуре отдельных жанров и видов, в том числе и в национальных литературах Урало-Поволжья.

Во втором разделе «*Формы психологического изображения»* рассматриваются и систематизируются все имеющиеся в литературной науке попытки теоретического обоснования форм психологического изображения, способствующих раскрытию внутреннего мира персонажей.

Первые попытки обоснования форм психологизма представлены в исследованиях М.В. Храпченко, который выделял динамический, типологический и аналитический принципы обрисовки героев, напрямую связывая их с типологией психологического изображения. Есть попытки выстроить типологию форм психологического изображения с учетом системы повествовательно-композиционных форм, обладающих различными художественными возможностями в плане изображения внутреннего мира героев. Научной обоснованностью выделяется концепция типологии психологизма, разработанная с учетом того, непосредственно или через внешние симптомы передается внутренний мир персонажа, и поддерживаемая большинством отечественных литературоведов (И. В. Страхов, Л. Я. Гинзбург, В. Е. Хализев, А. Н. Андреев). Ими выделяются две формы

¹ Есин А.Б. Литературоведение. Культурология... С. 65.

психологического анализа: «изнутри» – прямая форма, «извне» – косвенная, внешняя форма. А. Б. Есин дополняет данную типологию психологизма третьей формой – суммарно-обозначающей («способ сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа» «при помощи называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире»¹). О трех формах психологического изображения говорит также В. Гудонене.

Система форм психологического изображения в литературе выстроена в реферируемом разделе диссертационного исследования с учетом теоретических установок А. Б. Есина и В. Гудонене. Соответственно психологизм марийской повести второй половины XX века рассматривается в данной работе в контексте трех основных форм психологического изображения в литературе: прямой (изображение характеров «изнутри»), косвенной (внешнее проявление внутреннего мира) и суммарно-обозначающей (называние эмоций).

Третий раздел *«Приемы художественного психологизма»* посвящен выявлению основных приемов психологического изображения и их систематизации с учетом функциональных возможностей и привязанности к трем основным формам психологизма. С каждой из форм психологизма связан определенный комплекс психологических приемов и средств. При прямой форме психологического изображения художник наибольший интерес проявляет к внутреннему монологу, несобственно-прямой речи, психологическому анализу и самоанализу, «диалектике души», «потoku сознания», дневникам, эпистолярным элементам. Косвенная форма характеризуется использованием в психологической функции описаний, внешних деталей, а также особенностей речи, мимики, жестов и движений (так называемых «внутренних жестов»), сна, приема умолчания. К суммарно-обозначающей форме психологизма привязана главным образом, собственно-психологическая деталь (прямая вербализация состояния, чувства).

В четвертом разделе *«Формирование психологизма в марийской прозе XX века»* дается характеристика основных этапов развития психологизма от его зарождения до максимального доминирования в жанровой структуре марийской прозы. Творческий опыт марийских прозаиков рассматривается в данном разделе в контексте развития психологизма в национальных литературах Поволжья и Приуралья (татарской, чувашской, удмуртской, мордовской и др.) и его научного осмысления финно-угорскими учеными и филологами Урало-Поволжья.

На начальном этапе развития марийской литературы (первая треть XX века) и марийской повести (1920–1930-е годы) психологизм носит условный характер, не наблюдается непосредственного, детального изоб-

¹ Есин А.Б. Литературоведение. Культурология... С. 65.

ражения внутреннего мира героя. Большое внимание в произведениях уделяется воспроизведению реалий быта, внешних обстоятельств. Внутренний мир человека раскрывается в его поступках и действиях. Тем не менее, уже в первых повестях проглядывает своеобразная психологическая зоркость писателей, проявляющаяся, в частности, в умении с помощью выразительной детали дать психологическую характеристику персонажа, а также в активном использовании формы повествования от первого лица, внутренних монологов, образов природы, незначительных повторяющихся своеобразных внешних признаков, указывающих на внутреннее состояние. Важную роль в психологизации повествования играют лиризм, ассоциации, параллели, символично-психологические эпизоды, динамично меняющийся эмоциональный тон повествования. Попытки введения в художественную структуру текста таких способов психологизации повествования имели место в творчестве 1920–1930-х годов М. Шкетана С. Чавайна, Н. Мухина, О. Шабдара, Н. Игнатьева, Д. Орая, И. Ломберского, И. Одара, Я. Элексейна и др. Углублению психологической обрисовки, эмоциональной наполненности образа содействовало и обращение к фольклорно-песенной поэтике; используя тексты народных песен-раздумий, писатели передавали различные оттенки душевного состояния изображаемого человека. Такая лиричность, идущая из народной поэзии, к примеру, стала основным средством раскрытия внутреннего мира новых людей марийской деревни в творчестве Шабдара Осыпа («Акыр саман» – «Гибель мира», 1927; «Ўдырамаш корно» – «Доля женская», 1929).

В конце 1930-х – 1940-е годы процесс формирования и обогащения психологизма сильно ослабевает. Причиной этому были общественные воздействия на литературу, а именно, бесцеремонное вмешательство в литературную жизнь государственно-политических структур, война 1941–1945 годов и как следствие – исчезновение из литературы почти всей талантливой плеяды первых марийских писателей; новое поколение писателей, которое сформируется уже после окончания репрессивной кампании власти, еще не имело опыта психологизма. Психологическое изображение выходит на арену литературной жизни только в послевоенное время. Мощным стимулом для его развития в марийской прозе, как, собственно, во всех литературах Урало-Поволжья, становится лирическая проза.

Расцвет психологизма в марийской прозе приходится на вторую половину XX века. Мастерство в воспроизведении процессов формирования мыслей, чувств, намерений человека, пристальный интерес к текучести и противоречивости индивидуального сознания проявляли в эту эпоху В. Иванов, З. Каткова, Ю. Артамонов, А. Александров-Арсак, Г. Алексеев, Вяч. Абукаев-Эмгак, М. Кудряшов, Г. Гордеев, Г. Пирогов, В. Микишкин и многие другие писатели-прозаики.

В развитии психологизма в марийской повести второй половины XX века можно выделить два этапа, которые соотносятся с общими осо-

бенностями и периодами функционирования всей марийской прозы и литературы, в целом. Первый этап (1950 – начало 1980-х годов) в истории марийской литературы – это развитие, наращивание арсенала приемов и средств воплощения художественного содержания; второй этап (конец XX века) – устойчивое их развитие. Соответственно выстраивается история развития психологизма в марийской повести второй половины XX века. На первом этапе происходит формирование и закрепление форм и приемов психологического изображения в художественной структуре жанра, на втором – утверждение психологизма как стилевой его доминанты.

Во *второй главе «Психологизм в художественной структуре марийской повести 1950 – середины 1980-х годов»* рассматривается первый этап развития психологизма в марийской повести второй половины XX века; повести анализируются в ней в контексте трех основных форм психологического изображения в литературе: прямой, косвенной и суммарно-обозначающей.

В первом разделе главы *«Развитие прямой формы психологического изображения»* рассматриваются функциональные возможности наиболее востребованной в данный период прямой формы психологизма с традиционными для нее приемами внутреннего монолога и несобственно-прямой речи, которые получают в повестях широкую творческую реализацию. В этом контексте огромный интерес представляют повести «Кўкшака» («Высота»), «Шўм ок мондо» (в русском переводе – «Тропинка»), «Ава шўм» («Материнское сердце») и «Ломберсолаште» (в русском переводе – «Подруги») В. Иванова; «Сар ок лий ыле гын» («Если бы не война») и «Адресат выбыл» З. Катковой; «Шёрга» («Петля»), «Ачай деке унала» («В гости к отцу») и «Кок пире» («Два волка») Ю. Артамонова и др. Прямая форма психологического изображения в данных повестях наиболее очевидно передает глубину внутренних переживаний героев, «проживание» ими сложного многообразия социальной действительности, «применение» к ней своей личности, осмысление нравственно-этических приоритетов общества и индивида.

Особенно востребованным приемом в составе прямой формы психологизма становится внутренний монолог, используемый в изображении героя в критических ситуациях жизни, в момент принятия им важного решения. Необходимо отметить актуальность данного приема прямого психологизма для лирической прозы, активно развивавшейся в марийской литературе 1960–1970-х годов. Например, в лирических повестях В. Иванова «Ломберсолаште» («Подруги») и «Саскавий» с помощью внутренних монологов раскрывается сложный внутренний мир молодежи послевоенного поколения. Сложность его объясняется острой необходимостью выбора жизненного пути, задачами времени, требующими исключительно самостоятельных решений, смешением в сознании молодежи суровой послевоенной реальности и мечты, надежд, нежных чувств. В. Иванов с помощью

приемов прямой формы психологического изображения интуитивно приподнимает своих героев и читателя на уровень духовных исканий, размышлений о жизни и нравственности.

Развитию прямой формы психологизма, а именно, закреплению в литературе внутреннего монолога, активно содействовало увлечение авторов повестей эпистолярной, мемуарной, дневниковой формами повествования, в которых ярко выражен образ повествователя, в основном, перволичного, открывающего широкие возможности для выражения его внутреннего «я». В таких случаях все произведение представало как некий развернутый внутренний монолог; в ряде случаев такое повествование приобретало характер исповеди. Внутренний монолог приобретает и новые формы, например, он представал как речь героя вслух с самим собой.

В повести В. Иванова «Ава шўм» («Материнское сердце»), где повествование ведется от лица главной героини Варвары Садаевой, в центре внимания автора – самые тайные уголки внутреннего «я» матери, переданные в форме дневника и в виде писем, обращенных к сыну. Дневник в марийской повести фиксирует процесс внутренних перемен, драматическую ломку, мировоззренческие поиски, дает возможность проникнуть «в глубинные слои культуры и человеческой души» (Л.В. Пивоварова).

В повестях З. Катковой «Сар ок лий ыле гын...» («Если бы не война...») и «Адресат выбыл», доносящих до читателя суровое дыхание грозных лет Великой Отечественной войны и показывающих нелегкие человеческие судьбы, внутренний монолог получает внешнее оформление в виде воспоминаний и эпистолярия. Писателя интересуют раздумья человека над жизнью будущим, обстоятельствами, оказывающими влияние на судьбы и характеры людей. При этом З. Каткова сосредоточена не столько на самом психологическом процессе или «анализе страстей», сколько на сиюминутном душевном состоянии героев.

В повести Ю. Артамонова «Ачай деке унала» («В гости к отцу»), раскрывающей тему ответственности человека за свои поступки, при раскрытии характера героя, его душевного мира, конфликтного по своей сути, много места уделяется внутренним монологам в сочетании с несобственно-прямой речью. Психологическая доминанта в фантастической повести Ю. Артамонова «Шёрга» («Петля»), посвященной проблеме современной нейрохирургии, раскрывающей размышления и переживания главного героя в острых драматических ситуациях (до и после операции по пересадке головного мозга), также находит выражение во внутренних монологах в сочетании с несобственно-прямой речью; но несобственно-прямая речь в данном произведении представлена как диалоги героя с самим собой (неким двойником). Обращение Ю. Артамонова к экзистенциальному мотиву двойничества заметно расширяет содержательно-эстетические горизонты не только художественного психологизма, но и всей марийской прозы, в целом. Через приемы прямой формы психологизма в повести Ю. Ар-

тамонова «Кок пире» («Два волка») открывается внутренний смысл единоборства человека с волком. Это единоборство представлено и в воображаемой картине страданий и ненависти зверя к человеку, отнявшему в капкане его ногу, и в саморефлексии самого героя, пожалевшего раненого волка. В герое, казалось бы, твердом, как гранитная скала, прожившем много лет и прошедшем сложными дорогами войны, живет трогательная душа, способная пожалеть слабого, а также всякого рода сомнения – в себе, правильности своего жизненного поведения, устремлений окружающих его людей. Столкновение грубой силы и человеческой «слабости» (понимания и сострадания) составляют суть психологического конфликта, зародившегося в герое после того, как он нашел в своем капкане волчью ногу, и выраженного с помощью несобственно-прямой речи, наиболее привлекательной для Артамонова-художника.

Во втором разделе *«Особенности косвенной и суммарно-обозначающей форм психологизма»* выявляется роль приемов косвенной и суммарно-обозначающей форм психологического изображения в смысловой организации художественного текста. Показано, что с помощью данных приемов авторы раскрывают свою концепцию, создают неповторимые характеры, поднимают извечные философские вопросы – бытия, любви, счастья и т. д.

Косвенная форма психологизма представлена в структуре марийской повести второй половины XX века приемом умолчания, описаниями (наиболее ярко – пейзажем) и описательными деталями (портретными, пейзажными, вещными), выступающими в психологической роли, а также «внутренними жестами» героев. Например, для повестей Ю. Артамонова «Канде тасман, ужар солыкан какшан» («Кокшага моя: с голубой каймой, в зеленом платочке»), «Сонимаке пеледыш» («Возвращение»), «Пире» («Волчица»), «Кайык ўжын ужата» («Когда поет жаворонок»), З. Катковой «Сар ок лий ыле гын...» («Если бы не война...») характерным приемом изображения внутреннего мира персонажей становится пейзаж, включенный в состав психологического параллелизма; через изображение природы авторы практически всегда передавали душевное состояние героев. Возрождение в повести психологического параллелизма, традиционно связываемого с фольклоризмом, открывает перед писателями широкие возможности для создания ярких характеров и передачи тончайших состояний человеческой души.

Для стиля повести «Если бы не война...» характерно использование символических картин природы, например, образ молодой растущей сосны символизирует особенности душевной организации героев: светлые мечты, верность в любви.

Существенным дополнением к пейзажным деталям косвенной формы психологизма становится собственно-психологическая деталь в составе суммарно-обозначающей формы психологического повествования. Такая

деталь, прямо называющая чувства и используемая чаще всего в сочетании с деталями косвенного психологизма, к примеру, в повестях «Сонимаке пеледыш» («Возвращение») и «Кайык ўжын ужата» («Когда поет жаворонок») Ю. Артамонова, «Адресат выбыл» З. Катковой, способствовала достижению многогранной полноты в изображении психологии героев и заметно повышала удельный вес психологического изображения.

В третьей главе «Психологизм как стилевая доминанта марийской повести конца XX века» рассматриваются особенности художественного психологизма на втором этапе развития марийской повести второй половины XX века, выявляются факторы и признаки его усиления в художественной структуре жанра. В конце XX века психологизм принимает новый облик, обогащается арсенал средств изображения внутреннего мира персонажей, в систему литературного творчества приходят новые для марийской прозы приемы психологического изображения – психологический анализ и самоанализ; обогащается содержательная и формальная структура внутренних монологов и несобственно-прямой речи персонажей. Одним из важнейших приемов психологизации повествования становится художественная деталь.

Третья глава состоит из четырех разделов, посвященных доминирующим приемам психологизма в марийской повести конца XX века.

В первом разделе «*Психологический анализ и самоанализ в повестях Г. Алексеева*» рассматривается творческий опыт мастера марийской психологической прозы и первооткрывателя в марийской литературе таких сложных приемов психологического изображения, как психологический анализ и самоанализ, которые раскрывали сложные душевные состояния персонажа поэтапно, в определенной последовательности. Предметом психологического анализа и самоанализа главного героя Николая в повести «Тулык чон» («Осиротевшие души») становится осмысление причин несостоявшегося семейного счастья, эмоциональное переживание вернувшегося чувства, состояние душевного смятения и поиски себя, дальнейшей жизненной траектории и стержня внутреннего действия. Анализ и самоанализ получают художественное усиление за счет сращения с приемами косвенной формы психологического изображения (пейзаж, портрет, интерьер, внутренние жесты), благодаря которым глубоко, всесторонне и последовательно раскрывается психологическое состояние героев, их сложная внутренняя жизнь.

В системе композиционных форм, использующихся в составе психологического анализа и самоанализа, важна и роль внутренних монологов. Они «возникают в различного рода трудных и ответственных положениях – в моменты опасности, внутренней борьбы, сильного возбуждения и высшего напряжения всех сил, в моменты неудовлетворенности собой и окру-

жающим; отражают напряженные мысли, умственные искания, думы и размышления, принятие ответственных решений в критические, переломные моменты, знаменующие какой-то поворот в развитии личности и приводящие в движение весь душевный механизм»¹. Внутренний монолог в повести Г. Алексеева представлен в двух видах: монолог-размышление (о любви, смысле жизни, семейных ценностях, счастье и т.д.) и монолог-воспоминание. Во внутренних монологах-воспоминаниях Николая, переполняющих текст, находят отражение отдельные, наиболее важные этапы его жизни, соотнесенные с этапами психологического анализа и самоанализа.

В целом, в повести «Осиротевшие души» вся система психологических приемов, занимающая значительную часть текста, направлена на глубокий и детальный анализ внутреннего мира героев, что позволяет говорить о принадлежности произведения к такому жанровому явлению, как психологическая повесть.

Во втором разделе данной главы «*Специфика структуры и содержания внутреннего монолога*» выявляются различные формы внутреннего монолога, благодаря обогащению композиционной структуры и смысловому насыщению которых глубоко и всесторонне раскрывается сложная и богатая интеллектуально-эмоциональная жизнь героев.

Данный прием психологического изображения яркое выражение находит в творчестве А. Александрова-Арсака. В произведениях этого прозаика активно используются уединенные и обращенные типы монологов, которые по своей семантике большей частью связаны с осмыслением и эмоциональным проживанием персонажем истории собственной жизни. Наибольшее распространение в повестях А. Александрова-Арсака получил обращенный монолог, облеченный в форму воспоминания повествователя (или героя-повествователя) и построенный как обращение к человеку, которого уже нет рядом или нет среди живых. На таких обращенных внутренних монологах-воспоминаниях строятся повести А. Александрова-Арсака «Роза» и «Каче тан» («Жених»). Монологи передают не только содержание и ход мыслей героя-повествователя, они одновременно воссоздают его речевую манеру, а следовательно, и его манеру мышления – детализированную, конкретно-аналитическую, тонкую и субъективно выраженную. На уединенных монологах, связанных с осмыслением героиней ее прошлой и настоящей жизни, построена повесть А. Александрова-Арсака «Шұм кылдыш» («Узы сердец»).

Особенностью повестей горномарийского писателя М. Кудряшова является продолжение эпистолярной линии внутреннего монолога, утвердившейся еще на предыдущем этапе развития психологизма в творческом опыте З. Катковой (повесть «Если бы не война»). В основе сюжета повести М. Кудряшова «Серыш поран» («Метелица писем») – переписка двух ге-

¹ Страхов И. В. Психология внутренней речи... С. 33.

роев, мужчины и женщины: Юрия, инвалида, прикованного к коляске, и молодой красивой девушки Лизы; в произведении преобладают внутренние монологи, оформленные в виде писем Алексея (инициатора переписки), переполненные нежными словами в адрес понравившейся ему незнакомки.

В повести «Волгыжмо вашеш» («Перед рассветом») Г. Гордеева самые сокровенные мысли и переживания героя также раскрываются посредством внутренних монологов – это, главным образом, обращенные монологи молодого музыканта и певца Игоря исповедального характера. Объединенные в одну цепочку, они раскрывают динамизм и драматизм его переживаний. Обращенные монологи Игоря перемежаются, сопрягаются с прямыми (наяву) обращениями к девушке, усиливая драматизм внутреннего состояния героя.

Анализ повестей марийских прозаиков А. Александрова-Арсака, М. Кудряшова, Г. Гордеева позволил сделать вывод о том, что внутренний монолог предоставляет возможность полнее, глубже раскрывать внутренние конфликты, волнения, тончайшие душевные движения и внутреннее развитие героя. Данный прием прямого психологического изображения очень точно передает состояние персонажа, погруженного в собственный духовный, психологический мир, пытающегося разобраться в самом себе и размышляющего о глубоко личных переживаниях и чувствах.

В третьем разделе *«Несобственно-прямая речь персонажа как средство психологизации повествования»* марийская повесть конца XX века анализируется в аспекте использования в ней несобственно-прямой речи персонажей; показана роль этого приема в передаче динамики чувств и мыслей персонажей. Несобственно-прямая речь наиболее ярко проявилась в повестях Г. Алексева «Вашпижмаш» («Противостояние», 1995) и «Куку муро ойган» («Грустная песня кукушки», 1996). Через эти произведения проходит мотив одиночества, грусти, печали, тоски – «душевного состояния, порожденного противоречиями между идеальными устремлениями человека и его конкретной жизненной практикой, конфликтом между желанием и его исполнением»¹. Конструкции с несобственно-прямой речью в таких случаях дают писателю возможность проникнуть в скрытый от постороннего глаза внутренний мир, изобразить сложные душевные состояния персонажей, создавать глубокие психологические портреты. В повести «Противостояние» Г. Алексеев с помощью несобственно-прямой речи раскрывает сложную гамму эмоционально-мыслительных отношений между мужем и женой, связанную с их жизненными целями, замыслами, сомнениями, разногласиями. «Внутренние картины» внешне представлены в форме авторского повествования, но даны как раздумья героев, главным образом, в состоянии одиночества.

¹ Аминова В.Р. Принципы и приемы психологизма в русской литературе XIX в. и в татарской прозе первой трети XX в.: сопоставительный анализ... С. 128.

Внутренний мир одинокой женщины становится объектом анализа и в повести «Грустная песня кукушки». В отличие от повести «Противостояние», в данном произведении автор сразу не раскрывает причину душевного одиночества и печали персонажа; она раскрывается постепенно, в ходе наблюдения повествователя за поступками, мыслями и переживаниями героини. Сама структура несобственно-прямой речи Эльвиры также складывается постепенно: вначале идут слова автора, описывающие поведение героя, которые плавно переходят в характеристику душевного состояния женщины, а затем уже в несобственно-прямую речь. Таким образом, автор воссоздает затуманенную, ему самому не вполне понятную картину душевной жизни героини, которая находится в раздумьях, в поисках ответа на вопрос, что происходит в ее душе и сможет ли она справиться со своей бедой, выйти из паутины непонимания, нерешительности. В душе героини идет внутренняя борьба, мысли ее противоречивы и сбивчивы, все остается в области догадок. Автору трудно уловить и понять все нюансы душевного состояния персонажа, осмыслить их, выразить. Организованная подобным образом несобственно-прямая речь экспрессивно насыщенно передавала сложное и противоречивое внутреннее состояние персонажа.

Несобственно-прямая речь открывала широкие возможности для проникновения художника в сокровенные тайны человеческой души, для изображения психологического процесса в момент его зарождения, протекания и завершения.

В четвертом разделе «*Поэтика психологической детали*» рассматривается один из важнейших приемов психологизации повествования конца XX века – художественная деталь. Она лишена в содержательном и формальном плане однозначности, «мерцает» смысловым многообразием. Марийские прозаики наиболее часто используют собственно-психологические детали, связанные с косвенной формой психологического изображения («внутренний жест» – отдельно или в составе приема умолчания и невербального диалога; паралингвистические детали), а также детали суммарно-обозначающей формы повествования («вербальное обозначение чувства»); довольно часто используются портретные и пейзажные детали в психологической роли. Художественная деталь является наиболее характерным и эффективно используемым приемом психологизма в повестях Г. Гордеева, Ю. Артамонова, Г. Алексеева, Вяч. Абукаева-Эмгака и др.

Подлинное мастерство Вяч. Абукаева в повести «Лишыл-мўндыр шўдыр» (Свет далекой звезды) проявляется в последовательном и детальном воспроизведении внутреннего напряжения в душе героя, превращающегося в конфликтное состояние «внутри», с помощью различных деталей косвенной и суммарно-обозначающей форм психологизма, с помощью деталей приема умолчания. Автор обращается к вещным деталям (они менее распространены в марийской повести конца XX века), которые выражают,

главным образом, чувство растерянности героя, странного одиночества и внезапно образовавшейся пустоты в его душе.

Повести Г. Алексеева отличает широкий интерес к художественным деталям в составе психологического портрета, которые несут информацию о мыслях, чувствах, переживаниях и настроениях персонажа. В них представлены две разновидности психологического портрета: 1) в портретном описании подчеркнуто соответствие внешности героя его внутреннему миру («Осиротевшие души»); 2) внешность героя и его внутренний мир соотносятся по принципу контраста («Грех» и «Противостояние»). Психологические портреты в повестях Г. Алексеева очень динамичны; это достигается за счет сочетания портретных деталей с психологической функцией с внутренними жестами, позами и движениями с психологической нагрузкой. Вписанные в определенные повествовательные ситуации повести, они отражают вкуче динамику, текучесть, изменчивость внутренней жизни персонажей и, в целом, стратегию развития образов-характеров.

Характерными явлениями творческой манеры Г. Алексеева в его психологической прозе конца XX века являются также «внутренние жесты» и параллельное использование разных типов психологических деталей. Именно так передается в повести «Куку муро ойган» («Грустная песня кукушки») внутренняя жизнь одинокой женщины Эльвиры, не сумевшей построить свою личную жизнь на основе любви, в момент основного действия издаലെка наблюдающей за сыном, воспитывающимся вдалеке от нее, в детском доме, а также психологическое напряжение внутреннего «поединка» героини и ее возлюбленного.

В повести Г. Гордеева «Омса вес велне» («По ту сторону двери») посредством художественных деталей раскрывается внутренний мир не человеческой личности, а животного (в произведении – очеловеченный образ собаки), которому пришлось преодолеть невероятные трудности: голод, холод, унижение, потерю хозяев, предательство со стороны человека. Анималистический образ собаки, его психология, экзистенциальное существование, предстающие в произведении через детали психологического портрета, внутренние жесты и прямое название состояния (физического и эмоционального страдания), становятся средством раскрытия идейного замысла автора, связанного с утверждением моральных ценностей и важности духовного благополучия человека, которые должны проявляться и в отношении к животным.

В *заключении* сформулированы основные выводы по теме исследования, из которых выясняется, что психологическое изображение, пронизывая все уровни художественной организации текста, выявляясь в архитектонике, идейно-образном содержании произведения, становится неотъемлемым элементом художественной структуры марийской повести второй половины XX века; оно свидетельствует о глубоком проникновении прозаиков в идейный и нравственный мир личности, в поиски героем лич-

ностной истины, о высокой художественности и нравственно-философском насыщении содержания повестей. Индивидуальная траектория в использовании, сочетании форм и приемов психологизма зависела от идейного замысла, жанровой стратегии, характера конфликта, творческих пристрастий автора.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки РФ:*

1. Рябина М.В. Портрет как средство психологической характеристики персонажа в повестях Г. Алексева // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 302–306.
2. Рябина М.В. Косвенная форма психологического изображения в повести Г. Алексева «Осиротевшая душа» // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 90–93.
3. Рябина М.В. Форма психологического изображения в повести Г. Алексева «Осиротевшие души» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 1. С. 147–150.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Рябина М.В. Лүмжө да сылнымутшо калык шүмыштö // Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в системе образования Республики Марий Эл: материалы межрегиональной 10-й научно-практической конференции / Мар. ин-т образования. Йошкар-Ола, 2005. С. 98–101.
5. Рябина М.В. Повести З. Катковой: поэтика психологизма // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2010. С. 129–134.
6. Рябина М.В. Художественная деталь как средство выражения внутреннего мира героев в марийской повести 1970–1980 гг. (на материале повести З. Катковой «Адресат выбыл») // Наука. Образование. Молодежь: сборник статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 43–47.
7. Рябина М.В. Пейзаж в психологической функции в повестях Ю. Артамонова // Актуальные решения современной науки: сб. научных работ аспирантов. Вып. 2 / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 68–71.
8. Рябина М.В. Прямая форма психологического изображения в повести Г. Алексева «Тулык чон» («Осиротевшие души») // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Международ-

ного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (18–20 августа 2011 г.) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 371–376.

9. Рябина М.В. Повесть В. Иванова «Саскавий» (поэтика психологизма) // Социокультурное развитие Республики Марий Эл: История и современные процессы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 179–181.

10. Рябина М.В. Суммарно-обозначающая форма психологического изображения в ранних повестях Ю. Артамонова // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. С. 220–223.

11. Рябина М.В. Повесть В. Абукаева-Эмгака «Свет далекой звезды»: поэтика психологизма // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения: материалы международной научно-практической конференции. Елабуга: Изд-во филиала КФУ в г. Елабуга, 2012. С. 179–181.

12. Рябина М.В. Внутренний монолог в повестях А. Александрова-Арсак // Актуальные решения современной науки: сборник научных работ аспирантов. Вып. 3 / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. С. 79–86.

13. Рябина М.В. Психологическая функция интерьера в марийских повестях второй половины XX века // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: К 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б. Хусаинова: материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2013. С. 114–117.

14. Рябина М.В. Эпистолярная форма как средство психологизации повествования в повестях М. Кудряшова «Серыш поран» («Метелица писем») и З. Катковой «Сар ок лий ыле гын» («Если бы не война») // XIII Игнатъевские чтения: материалы докладов и выступлений на Республиканской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Л.П. Васиковой. Йошкар-Ола, 2014. С. 118–124.

15. Рябина М.В. Марий сылнымутышто пöрткöргö сүретын вийкуатше // Марийское краеведение: опыт и перспективы использования в условиях реализации ФГОС: материалы XX научно-практической конференции / Мар. ин-т образования. Йошкар-Ола, 2014. С. 48–50.

16. Рябина М.В. Формирование психологизма в марийской прозе XX века // Проблемы марийской и сравнительной филологии: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной юбилеям профессоров И.С. Иванова, Н.И. Исанбаева, Е.Н. Мустаева / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2014. С. 135–140.

Перечень учебных и учебно-методических изданий:

17. Рябина М.В., Крылова Г.В. Марий йылме да литератур дене урок деч öрдыжсö паша / Мар. ин-т образования. Йошкар-Ола, 2007. 88 с.

18. Рябина М.В. Марий писатель-влак школышто: В. Иванов, В. Сапаев, З. Каткова, В. Косоротов: методический полыш / Мар. ин-т образования. Йошкар-Ола, 2008. 268 с.

19. Рябина М.В., Кудрявцева Р.А. Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

Рябинина Марианна Владимировна

Марийская повесть второй половины XX века: поэтика психологизма

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 17.07.2014 г. Формат 60×84/16.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 1,6. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинала-макета
в ООО «Восхождение»
424032, г. Йошкар-Ола, б-р Данилова, д. 6